

Принятие решения и рефлексия

Г. Н. Солнцева¹

Обсуждаются место и механизм принятия решений в контексте психологической теории деятельности. Анализ функциональной организации и генезиса деятельности позволил описать принятие решений как специфическое образование в структуре деятельности с функцией развернутой сознательной (рефлексивной) регуляции деятельности. Механизм принятия решений выступает как процесс формирования актуальной деятельности и описывается как процесс устранения неопределенности, источник которой лежит в самой деятельности. Принятие решений обеспечивает взаимное соответствие в целостной деятельности таких групп переменных как характер ситуации, особенности мотивационной сферы, характеристики индивидуального опыта, схемы поведения, индивидуально-личностные свойства.

Введение

Психологические исследования принятия решения (ПР) базируются, в основном, на нормативных моделях рационального поведения в условиях неопределенности и на представлениях о закономерностях когнитивных процессов, объясняющих отклонения поведения от рационального. Результаты исследований в рамках указанных парадигм — рационального поведения и когнитивной психологии, позволяют не только расширить и детализировать полученные представления, но и использовать их для интерпретации ПР как механизма регуляции деятельности.

В настоящей работе обсуждаются закономерности принятия решения в ситуациях неопределенности, обусловленные рефлексией.

¹ 125009, Москва, Моховая ул., д. 11, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, факультет психологии, galinasolntseva@mail.ru

1. Принятие решения как устранение неопределенности

Нормативные модели процесса ПР имеют один общий исходный пункт: ПР так или иначе включается в процесс деятельности, когда заканчивается подготовка и начинается исполнение какого-либо действия. Это либо кратковременный (субъективно не расчлняемый далее) осознаваемый волевой акт, либо развернутый процесс переработки информации человеком, в результате которого он оказывается способным сформировать последовательность целесообразных действий, ведущих к достижению цели [1]. Представления о ситуации, требующей принятия решения, включают субъекта (лицо, принимающее решение) как носителя цели, проблему, требующую разрешения, и альтернативы — варианты решения проблемы и реализации цели. Аксиомой нормативных моделей является допущение, что сокращение числа альтернатив до единственного варианта организации поведения осуществляется на рациональной основе, т. е. поведение строится как рациональное.

Процесс или процедура ПР в нормативных моделях сводится к оценке альтернатив по исходам на основе критериев: вероятности, полезности, ценности, а также использованию правил оценки альтернатив, обеспечивающих выбор оптимального варианта поведения в соответствии с целью.

Иногда понятие процедуры принятия решения расширяется за счет того, что дополнительно в процедуру выбора включается процедура генерации альтернатив, и методы принятия решений разделяются на формальную процедуру построения бинарного отношения на множестве альтернатив и собственно принятие решений как экспертную процедуру выбора [2].

В психологии идеи нормативного подхода созвучны бихевиористским традициям трактовать ПР как процесс выбора одной из совокупности альтернатив в строго описанной задаче, как волевой акт, обеспечивающий формирование последовательности действий, ведущих к достижению цели на основе преобразования исходной информации в ситуации неопределенности [3]. Анализ ПР предполагает реконструкцию процесса перехода от множества возможностей (альтернатив) к единичности действия (решения), т. е. реконструкцию ПР как устранение неопределенности.

В рамках нормативного подхода неопределенность понимается как характеристика ситуации — наличие более одного варианта организации действий в условиях константности цели, возможные результаты которых прогнозируются лишь вероятностно. Уровень неопределенности рассматривается как функция количества альтернатив, вероятности прогнозируемого исхода для каждой альтернативы, количества критериев оценки ис-

ходов. Уровень неопределенности повышается в условиях незаданности альтернатив, когда требуется их выявление. Иногда под неопределенностью понимается характеристика ситуации, вызванная неуверенностью в наступлении события, когда вероятности исходов неизвестны. **В первом случае** предполагается выбор альтернативы, а неопределенность относится к критериям оценки наилучшей альтернативы. **Во втором случае** неопределенность касается самой возможности осуществиться или нет тому или иному событию (исходу), задана ограниченностью ориентировки субъекта в самой системе альтернатив. В нормативных моделях ПР представлены составляющие ориентировки при подготовке выбора, но этапы вынесения суждений — оценок альтернатив, исходов по разным критериям, с одной стороны, и собственно акт выбора, с другой, в них неразличимы. Выбор формально осуществляется в соответствии с критериями оценки исходов альтернатив, в основном с критериями вероятности и ценности (полезности) исходов.

Объективными источниками неопределенности (в первом варианте ее трактовки) являются: информация — дефицит или избыток, а также время — дефицит времени поступления или обновления информации, объективный или субъективный дефицит времени на распознавание, анализ и оценку информации [4]. Второй вариант представления о неопределенности предполагает внутренние психические источники, оценка которых в рамках нормативного подхода вряд ли возможна.

Следует отметить, что даже в условиях определенности (детерминированные ситуации) субъект может оказаться вынужденным оценивать возможные варианты действий и их исходы, принимать решения как устранение неопределенности, источник которой лежит в его внутренней субъективной сфере. Возможны также ситуации, характеризующиеся высокой степенью неопределенности по объективным характеристикам, однако субъект может оказаться способным действовать в них, не прибегая к анализу альтернатив и принятию решения в силу представлений субъекта о ситуации как стандартной.

Неоднозначность связи уровня объективной неопределенности ситуации и необходимости ПР предполагает, что основной источник неопределенности лежит во внутренней субъективной психической сфере действующего субъекта, в самой деятельности. Если структура деятельности представляется как единство цели, средств и результата, то каждый из этих структурных элементов или их сочетания могут быть источниками неопределенности, что предполагает разные по содержанию, но идентичные по процедуре способы устранения неопределенности [5]. Трехуровневая четырехкомпонентная модель деятельности [6] предполагает, что любой из компонентов структуры — когнитивный, интенциональный, операциональ-

ный или компонент опыта на любом уровне могут стать источником неопределенности]. Только при достижении определенности содержания каждого из этих компонентов в системе их взаимосвязей возможны реализация деятельности в поведении и достижение желаемого результата. Традиционно в психологии процесс, предшествующий реализации деятельности, описывается как формирование — актуалгенез деятельности, а в контексте обсуждаемых проблем как достижение определенности (устранение неопределенности) содержания структурных компонентов деятельности в их взаимосвязях и целостности.

Следует подчеркнуть, что любой генез актуальной деятельности предполагает устранение неопределенности, но не все процессы устранения неопределенности связаны с принятием решения. Психологический анализ закономерностей формирования такого вида деятельности как управление, который включает в себя функцию ПР, является конструктивным путем анализа собственно ПР.

2. Психологический анализ функциональной организации управленческих решений

Формирование или организация управленческой деятельности могут быть прослежены как закономерности процесса — выявлены этапы и факторы, определяющие направленность процесса, а также вневременные принципы организации, обеспечивающие целостность и целесообразность деятельности. Следует подчеркнуть, что процессное представление о принятии управленческих решений, основывающееся на выделении этапов, лишь приблизительно характеризует реальную психологическую картину динамики управленческих решений [7, 8]. Процессное представление есть скорее нормативный идеал, своего рода «рационалистический оптимум», как отмечает А. В. Карпов, лишь одна из форм, которую решения могут принимать, но в реальной деятельности реализуются иначе. В общем случае эти процессы организуются не по типу интеграции совокупности жестко и априорно заданных этапов (стадий), а по типу дифференциации исходно целостного и нерасчлененного образования, причем лишь на те этапы, которые необходимы и достаточны для выработки и принятия решения в каждом конкретном случае. В относительно несложных (но одновременно и наиболее частых — типичных) ситуациях деятельности процесс ПР предстает обычно в минимально развернутом виде. Он может обретать форму прямого перехода от этапа формирования представления о задаче выбора к решению и вообще не включать каких-либо других промежуточ-

ных стадий. Подобный тип решений можно охарактеризовать как «выбор без перебора». Как дополнительный дифференцирующий шаг в процесс решения может включаться этап различения или формирования альтернатив. Для сложных ситуаций ситуации необходимо введение дифференциации на иные этапы — операции, такие как ранжирование критериев по приоритету, оценка альтернатив по критериям, взвешивание альтернатив, их исключение по неприемлемому критерию и др.

Мера дифференциации процесса на этапы и, значит, само их количество в нем должно быть не максимальным, а достаточным для достижения цели. Таким образом, суть функционального генеза процессов ПР — это дифференциация изначально целостной процессуальной системы на ее компоненты — этапы. Но тем самым и весь процесс ПР предстает как закономерная организованная динамика специфической временной системы.

При этом отмечается, что процесс дифференцируется лишь на такое количество этапов, которое необходимо и достаточно для достижения результата — принятия решения, (принцип минимально достаточной дифференциации).

Другой принцип — принцип целевой детерминации — предполагает, что цель по отношению ко всему процессу является системообразующим фактором. Это означает, что весь процесс разворачивается не от начала к концу, не от условий к результату, а, наоборот, от цели (как идеального образа результата — решения) к началу процесса. Именно целевая детерминация обеспечивает соподчиненность всех этапов решения, их взаимосвязку и достижение конечного результата.

Отдельные этапы процесса ПР являются различными по своей значимости. Так, этапы формирования субъективного представления о задаче выбора и собственно выбор альтернативы включены в процесс решения практически при любой степени его дифференциации. Они характеризуются максимальной значимостью, образуют высший уровень иерархии этапов. Другие же этапы — формирование критериев, оценки альтернатив и др. — могут быть либо выделены как самостоятельные, но подчиненные, либо не дифференцированы, в зависимости от сложности конкретной ситуации (принцип итеративности). Это означает такую организацию процесса, которая допускает не только его «линейное», однонаправленное разворачивание, но и многократные возвраты с последующих этапов на предыдущие, сканирование содержания прошедших этапов в свете содержания последующих. Благодаря этому становится возможным обмен содержанием между различными этапами решения, что существенно оптимизирует весь процесс. Такой обмен является необходимым условием целостности и внутренней согласованности процесса ПР.

Таким образом, процессы принятия решения приобретают системность организации не только в структурном, но и в функциональном плане. Само течение процесса ПР раскрывается как специфическая диахроническая система. Она, как и любая иная система, является результатом приведения во взаимосоответствие — со-организации содержания ее компонентов, приобретая характер целостности, а разбиение процесса ПР на этапы или фазы является условным.

Генезис принятия решения по отношению к генезису системы деятельности является производным и вторичным. Важную роль играет в нем система элиминативных средств (средств избегания) и механизмов выбора, их формирование и развитие в процессе становления профессиональной деятельности. Эти средства и механизмы глубоко и органично связаны с процессами выбора и как бы позволяют уйти от необходимости в ПР как таковом, заменив его иными, как правило, субъективно более надежными и менее рискованными средствами организации деятельности [8].

Уход от решений, их избегание — это само по себе специфическое, но принятие решения. В процессе формирования профессиональной деятельности имеет место очень интенсивное развитие форм элиминативного (избегающего) поведения. Более того, мера сформированности средств адекватной элиминации положительно и значимо коррелирует с эффективностью профессиональной, прежде всего, управленческой деятельности в целом. К ним, в частности, относятся: распределение существенной части решений среди подчиненных и возложение решений на них; прогнозирование «трудных» ситуаций выбора и стремление их предотвратить, подготовка к ситуациям, которые нельзя «обойти», но сложность которых можно уменьшить еще до их возникновения, формирование таких способов и средств планирования деятельности, которые минимизируют число ситуаций выбора, и др.

В ходе профессионализации руководителя формируется не только умение принимать решения, но и умение их не принимать. Общим следствием усиления функциональной роли элиминативных механизмов является переход от пассивной стратегии организации деятельности, строящейся по типу реагирования на возникающие ситуации неопределенности, к активной стратегии.

Анализ закономерностей формирования операционального состава принятия решения приобретает принципиальное методологическое значение для проблемы ПР в целом, поскольку вновь выдвигает на первый план проблему специфичности и самостоятельности психологического статуса процессов ПР. Специальные исследования [8] показали, что для индивидуальных решений большее значение имеет придание «представлению о задаче выбора» именно субъективного характера, опирающегося не только

и не столько на объективно-рационалистические основания, сколько на скрытые и часто неосознаваемые (интуитивные, невербализуемые) компоненты личного и профессионального опыта.

Можно утверждать, что в ходе генезиса управленческой (вообще профессиональной), деятельности имеет место формирование специфического операционального состава процесса ПР, связанного с индивидуально-личностными особенностями, и что само ПР формируется как специфический механизм с функцией регуляции деятельности. Это подтверждается двумя группами аргументов. Прежде всего это данные о несовпадении предсказаний нормативных моделей ПР и реальных выборов людей в идентичных ситуациях, что по мнению О. И. Ларичева связано с невозможностью включения психологических переменных в нормативные модели [3].

Другая группа аргументов связана с результатами исследований в когнитивной психологии, интерпретирующей вариативность принятия решения как функцию общих закономерностей и индивидуальных особенностей психической системы. Эмпирические исследования позволили выявить такие закономерности индивидуальных решений, которые отражают связь ПР с компонентами деятельности. Вариативность ПР в первую очередь зависит от оценки вероятностей исходов альтернатив. При этом вероятность события (исхода) не тождественна ее оценке и зависит от множества факторов [9]. Например, вероятность события оценивается субъектом выше объективной, если в опыте субъекта были схожие ситуации, которые легко припоминаются и визуализируются, чаще встречались, т. е. оценка вероятности зависит от содержания индивидуального опыта. Ошибки восприятия и особенно мышления изменяют субъективные оценки вероятностей событий, снижают вероятности прогнозов. В частности, ошибки связаны со склонностью людей переносить особенности небольшого числа событий на широкие классы и мнения, с тем, что маленькие выборки хорошо репрезентируют большие, с переносом оценки простых событий на сложные. Люди также склонны переоценивать надежность прогнозов и не замечать логические ошибки выводов. Кроме того, вариативность ПР определяется тем, на каком языке — в терминах положительных или отрицательных исходов описана или представлена ситуация, что прямо связано с мотивационно-потребностной сферой. Общеизвестна зависимость ПР от значимости или ценности исхода для субъекта: чем выше значимость, тем больше риск отрицательного исхода, который субъект признает приемлемым, а если при этом собственные затраты субъекта минимальны, ошибка прогноза вероятности положительного исхода возрастает на порядок. Все эти и другие многочисленные эмпирические данные свидетельствуют о связи ПР как выбора одного варианта действий из множества возможных со всеми компонентами структуры деятельности — с опытом, познава-

тельными процессами, мотивацией и операциональными составляющими (планами, стратегией и тактикой). При этом все перечисленные компоненты деятельности не могут быть квалифицированы как причинные явления по отношению к ПР. Скорее ПР детерминирует содержание каждого из компонентов деятельности как актуализация единственного определенного содержания из множества возможных — потенциальных, интегрированных в компоненте. Более того, ПР может рассматриваться как механизм дифференциации при формировании деятельности. Именно устранение неопределенности структуры деятельности обеспечивают целостность, целесообразность и неповторимость индивидуального поведения.

Таким образом, ПР служит механизмом регуляции деятельности, обеспечивающим последней ее системные качества. Другими словами, ПР есть специфическая составляющая деятельности, отличная от ее структурных компонентов как по функции, так и по генезису.

В качестве специфических механизмов регуляции деятельности в психологии традиционно рассматриваются сознание и рефлексия.

3. Принятие решения как рефлексивная регуляция деятельности

Рассмотрим кратко генезис психической системы и основания для возникновения рефлексии в ее структуре.

Психическая система опосредует взаимодействие организма с внешней средой, обеспечивает его адаптацию к меняющимся условиям среды. Направления развития психической системы определяются возможностями адаптации. Пределы адаптации определяются возможностями преобразования психической системой гомогенной для организма среды (физической картины мира) в ее субъективный гетерогенный образ, что соответствует принципу дифференциации, обоснованного в отношении генезиса деятельности. Трех уровням отражения внешней реальности (отдельные свойства и характеристики, целостные объекты и явления, закономерные связи и отношения) соответствуют три уровня познавательных процессов в психической системе: ощущения, восприятие, мышление, являющихся результатами дифференциации целостной картины внешней реальности на отдельные свойства, целостные объекты и их закономерные связи. Трех уровней организации психической системы достаточно для отражения всего многообразия внешней реальности, в том числе и ее энергетических и информационных свойств и тем самым для реализации своего приспособительного потенциала. Отметим также, что дифференциация гомогенной внешней реальности в генезисе психической активности сопряжена с

интеграцией результатов отражения в соответствии с вероятностными характеристиками внешней среды.

Регуляция психической системы осуществляется специфическими механизмами, такими как инстинктивные схемы и эмоции как специфическая психическая реальность — переживание состояния (характеристик) психической системы, обусловленного потребностями, и отношения к внешней реальности. На определенном этапе развития живых систем эти биологически обусловленные механизмы регуляции и приспособительные возможности психической системы на основе индивидуального опыта оказались исчерпаны, что стало объективной причиной формирования принципиально иных способов регуляции активности и приспособления — сознательной регуляции и преобразующего поведения.

Совместная активность живых организмов в известной степени подготовила почву для возникновения элементов нового механизма приспособления для выживания. Однако только совместная деятельность людей и рождение социальных отношений привели к формированию механизма, обеспечивающего отражение закономерностей социальной жизни и адаптацию к ней. В совместной деятельности активность каждого сама по себе может не соответствовать цели (потребности) индивидов и приобретает целесообразность только при соотнесении будущих действий себя и других. Формирование субъективной картины будущего действия другого есть картина собственных действий при условии различения «Я» — «другой», т. е. отражения себя, соотнесенного с другим. Аналогично отражению физической реальности, дифференциация «Я» — «другой» предполагает построение гетерогенной картины изначально гомогенной для субъекта социальной среды. Рефлексию как способность к отражению и дифференциации «Я — другие» во всей полноте субъективных явлений и отношений следует рассматривать как новый механизм регуляции психической активности, обеспечивающий преобразующее поведение.

Специфика рефлексивной регуляции состоит в том, что соотносятся не столько параметры внешних условий и параметры желаемого (потребного) результата, характеризующие другие формы регуляции, сколько особенности и характеристики собственных психических процессов, обеспечивающих в конкретных условиях получение желаемого результата. Генезис психической системы обеспечивает овладение внешней реальностью, появление рефлексивных способностей к регуляции обеспечивает овладение внутренней психической реальностью и расширяет возможности приспособления и выживания. Критерием гетерогизации физической среды является отношение к биологическим потребностям — «полезно, нужно» и т. п., в то время как дифференциации в генезисе рефлексии подлежат собственные качества и особенности как противопоставленные качествам и осо-

бенностям других людей по критерию «могу, хочу». При этом рефлексивные критерии в силу их социальной природы имеют две стороны: оценка своих возможностей как потенциала и оценка «дозволенности» со стороны других. Двусторонность критериев рефлексивной регуляции может стать основанием и дополнительным аргументом различия смысла (для себя) и значения (для всех других). Характер соотношения сторон детерминирован уровнем развития культуры и социальных отношений, традициями и т. д., фиксируется оценочными категориями типа «можно–нельзя», «хорошо–плохо», «принято–не принято» и др. Этические нормы поведения есть по сути критерии-ориентиры оценки значимости элементов собственной деятельности и деятельности других, выполняющие функции регуляции социального взаимодействия.

Исследование рефлексии сопряжено со многими трудностями. Эмпирические исследования предоставляют лишь косвенные данные о возможном участии рефлексии в психических явлениях, интроспекция дает лишь некоторые сведения о том, что представлено в субъективном, рефлексивном пространстве. Методы измерения семантического пространства не дают ответа на вопрос, в каком виде предстает рефлексивная картина, какими факторами обусловлены ее инвариантность и вариативность рефлексивной регуляции деятельности. Продуктивным методом исследования рефлексии, на наш взгляд, является метафорическое модельное описание, в частности, представленное в работах В. А. Лефевра [10], В. А. Петровского [11].

Одним из направлений, раскрывающих закономерности рефлексии, является исследование процессов принятия решений. На феноменологическом уровне связь между рефлексией и принятием решения представляется явной. На онтологическом уровне требуются разъяснения.

Изложенное выше представление о системной функции психического — гетерогизации гомогенной среды (физической для психических познавательных процессов и социальной для рефлексии) может быть описано в терминах «определенность–неопределенность». Гомогенная среда характеризуется высоким уровнем неопределенности ее элементов относительно живого организма и для приспособления к ней необходимы реакции на те элементы среды, которые соответствуют биологическим потребностям. Другими словами, дифференциация параметров среды по потребностным критериям что означает устранение неопределенности в организации приспособительного поведения. Механизм рефлексии служит для устранения неопределенности в оценке возможностей и прогнозе результативности собственной будущей деятельности. Это предполагает сравнение и выбор одного (направления) действия из ряда мыслимо (в рефлексивном пространстве) возможных, т. е. принятия решений.

Актуализация возможных вариантов действий (альтернатив), оценка их будущих результатов (исходов) по критерию полезности для себя и критерию приемлемости для других в полной мере соответствуют описанию структуры принятия решений. Принятие решений есть рефлексивный процесс устранения неопределенности в структуре собственной деятельности, а исследование принятия решений можно рассматривать как исследование закономерностей рефлексии.

Рефлексия в ее первичном содержании понимается как различение субъектом эмпирики (реальности) и знания о ней, как обращение содержания знания на самого познающего субъекта. Самообращенность познания на самого себя связана по происхождению и функционированию со сферой человеческой деятельности в целом. Рефлексия в этом случае может рассматриваться как объективная характеристика деятельности, возникающая в результате взаимодействия с другими субъектами, т. е. деятельности, опосредованной социальной практикой познания и общения. Именно рефлексия как феномен сознания привносит качественное своеобразие организации психической системы человека.

Известно, что активность животного определяется уровнем потребности: чем выше уровень актуальной потребности, тем более «настойчива» система в достижении цели, тем большие трудности она способна преодолевать и тем существеннее опасность, при которой животное продолжает «действовать», несмотря на высокую вероятность неуспеха. При низком уровне потребности животное отказывается от продолжения действия даже при незначительных возможных отрицательных последствиях.

Организация психической системы животного осуществляется как актуализация или формирование схемы поведения, обеспечивающей трансформацию образа наличной ситуации в образ желаемого «потребного будущего». Для конкретных внешних условий актуализируется та схема поведения, которая ранее приводила к достижению желаемого результата и удовлетворению потребности. Механизмами регуляции — выбора схемы являются либо жестко генетически фиксированные связи признаков ситуации и поведения, либо эмоциональное переживание связи признаков внешней ситуации и результатов активности, сохраненных в индивидуальном опыте. Наличная ситуация эмоционально оценивается животным не только «здесь и теперь» как актуальная, но и с позиции потребного будущего. Отсюда следует возможность предвидения будущего и организации поведения в соответствии с ним.

Человеческое поведение в основе своей имеет аналогичные закономерности. Адаптивные реакции человека на возможную угрозу также являются функциями потребностей. Это естественные проявления биологической сущности человека. Однако в отличие от активности животных че-

ловеческая деятельность приобретает новый механизм регуляции — сознание, обеспечивающий относительную независимость активности от биологических потребностей, действия не связанные с ними, а иногда и вопреки им. Сознание изменяет форму приспособления к природной среде — преобразующее поведение, обеспечивает изменчивость поведения — адаптивность в среде себе подобных и управление социальной средой для собственных целей [12]. Если эмоциональная регуляция осуществляется посредством соотнесения наличной и желаемой ситуации (потребного будущего), то сознательная регуляция обеспечивается за счет привлечения оценки «другого» действующего в систему собственных оценок.

В этом контексте следует уточнить содержание понятия сознания. Сознание может быть понято как процесс отражения, предметом которого является сама активность субъекта со всеми ее атрибутами, а результатом — образ себя как носителя и инициатора активности. Сознание как процесс возможен только при достаточно высоком уровне развития системы психических процессов, при котором сама система приобретает новое качество — способность к сознанию. Регуляция человеческой деятельности обеспечивается сознанием как функцией отражения себя посредством взаимодействия с другими людьми и рефлексией как способностью к такому отражению.

Способность к рефлексии и сознание как функциональный механизм регуляции психической системы принципиально изменяют поведение человека по сравнению с поведением животного. Основой человеческого поведения служит не столько непосредственное содержание структурных составляющих психической системы — результаты когнитивных процессов, элементы опыта, отраженные потребности и актуальные схемы поведения — сколько результаты их «вторичного» отражения сознанием. Не образ реальности как результат восприятия, а его отражение на «экране» сознания и его оценка обеспечивают ориентацию субъекта в окружающей среде. Не мотив как отражение потребности, не умения как потенциальная возможность действия, не собственно траектория достижения цели, а их отражение в сознании и оценка в их целостности и взаимосвязях обуславливают субъектно-личностный смысл, целесообразность поведения и его ценностную ориентированность. Поведение человека, другими словами, определяется не столько объективным содержанием компонентов психической системы [6], сколько результатом неизбежной трансформации первичного образа в систему «вторичного» отражения в сознании.

Представляется, что этой трансформации подвергается не столько содержание каждого элемента системы, сколько метрика «вторичного» отражения в сознании. Если психическая система имеет свою пространственно-временную метрику, то будучи отраженной в сознании эта «коорди-

натная сетка» как минимум трансформируется, а возможно и лишается пространственно-временной атрибутики. Наша способность одновременно «мыслить» предметы, разнесенные во времени и пространстве, одновременно охватывать широкие временные и пространственные реалии может быть понята как проявление функционирования «экрана» сознания с иной или вообще отсутствующей пространственно-временной мерностью. Возможно, экран сознания обладает способностью отражать объективную временную характеристику реальности, но в трансформированном виде как результат преобразования в сознании самой метрики времени. Анализ эмпирических данных о темпоральности в этом направлении может обеспечить конструктивную интерпретацию воззрений представителей различных школ (философской феноменологии Гуссерля и Хайдеггера, взглядов М. М. Бахтина, А. Бергсона и др.) и более глубокое понимание закономерностей субъективного времени.

Рефлексия как общая способность человека к сознанию для различных субъектов конкретизируется, приобретает свойства конкретных способностей, что может быть зафиксировано понятием «уровень рефлексии». Логика рассуждений о рефлексии как особом «экране», на котором отражается сам субъект, предполагает, что отраженный образ субъекта включает и сам «экран», на котором в свою очередь присутствует отраженный экран и т. д. Образная метафора — система зеркал, расположенная так, что одно отражается в другом; то, что мы можем видеть в одном зеркале — это бесконечный ряд отражений по сути одного и того же предмета. Чем дальше распространяются наши возможности «распознавать» отражения в системе зеркал, тем выше наши рефлексивные способности, тем выше уровень рефлексии [10].

Появление рефлексии как общей способности к сознанию сопровождается появлением особых качеств, характеризующих субъекта как носителя сознания и рефлексии. Эти качества могут быть квалифицированы как личностные, поскольку личность обычно (в психологии и философии) определяется как единичный представитель социума, как носитель социальных отношений, носитель «экрана», на котором может анализировать себя как сущность и свое поведение с позиции внешнего наблюдателя, глазами другого. Личностные качества в метафоричном представлении рефлексии как зеркала могут быть описаны как качества самого зеркала или экрана. Зеркало может искажать, увеличивать или уменьшать образ себя, деформировать отдельные составляющие целостного образа. Экран может оказаться черно-белым, розовым либо серым. Это привносит специфические черты во взаимодействие личности с миром вещей и миром людей.

Известные закономерности формирования личности, концептуальные представления о ее структуре и качествах могут быть интерпретированы

как качества рефлексирующего субъекта. Систематизация этих качеств требует специального анализа, но уже сегодня, когда намечены основные конструктивные элементы рефлексивной модели деятельности, можно говорить о двух базовых личностных качествах. Первое — это самооценка, результат осознания себя как особенной уникальной целостности, отличающейся от других людей. Это одновременно и способность поставить себя в позицию другого, способность к сознанию; она предполагает и оценку себя по отношению к другим, оценку своих возможностей с позиции «другого».

Второе — это система ценностей. Следует иметь в виду, что принципиально могут сравниваться, оцениваться только схожие сущности, принадлежащие к одной общности, классу. Поэтому самооценка в классе «люди» требует отождествления себя с другими и при этом «присвоения» пространства отношений, принятых в социальной среде, окружающей субъекта. Нормы, правила, традиции и т. п., действующие в этой среде и служат теми социальными ориентирами, значения которых субъект может оценивать для себя и других. В психологии эти присвоенные ориентиры описываются как система ценностей, имеющая иерархическую структуру и выполняющая функцию критериев оценки успешности деятельности.

В терминах используемой модели рефлексии личностные качества — самооценка и система ценностей — могут быть представлены как свойства самого экрана. Структура экрана может быть простой однослойной (ценности субъекта тождественны ценностям широкого социального окружения), сложной однослойной (дифференцированные ценности субъекта как отраженные ценности различных социальных групп), простой многослойной (дифференциация ценностей для себя и для демонстрации), сложной многослойной (дифференциация ценностей для себя и для других, общих и частных и т. п.).

Из сказанного вытекает важное следствие: рефлексия не может быть не личностной, а личность без рефлексии теряет свое предназначение. Представление о рефлексивной регуляции предполагает понимание личности как совокупности качеств целостной субъектной деятельности, а в силу ее специфичности — как своеобразия сознательной и рефлексивной регуляции деятельности.

Наличие сознания и рефлексии как механизма регуляции деятельности (человека) коренным образом меняет поведение человека в ситуациях ПР, неопределенности, возможного неблагоприятного исхода. Поведение человека в таких ситуациях определяется свойственным только ему механизмом регуляции — сознанием и рефлексией, а вариативность принимаемых решений в них — личностными качествами — самооценкой и системой ценностей. Для людей с высокой самооценкой характерно преуменьшать и

недооценивать вероятность отрицательных последствий, преувеличивать свои возможности достижения цели. Для такой личности «порог» опасности, при котором он может отказаться от действия, сдвинут в сторону большей вероятности неблагоприятного исхода. Для личности с низкой самооценкой этот порог сдвинут в другую сторону меньшей вероятности. Характер возможных последствий — ущерба оценивается по-разному людьми с различными системами ценностей. Это в свою очередь определяет, как будет и будет ли субъект действовать в ситуации ПР, неопределенности или опасности.

Осмысление особой функции ПР в структуре деятельности лица, принимающего решения и осознающего при этом то, что он делает, были, впервые зафиксированы в работах по рефлексивному управлению в конце 60-х гг. [10]. В них рефлексия выступала в форме осознания содержания собственной активности и активности другого. Применительно к конфликту это была функция взаимного отображения замыслов и действий противоборствующих сторон и была представлена в развернутой форме, предусматривающей фиксацию главных переменных процесса принятия решений, которыми могли манипулировать конфликтующие стороны. К таким переменным, отображенным на «экране сознания» и участвующим в имитации рассуждения, были отнесены ситуация («планшет»), цель, и способ решения («доктрина»). Другими словами, смысл рефлексивного управления состоял в использовании возможностей субъекта сознательно конструировать образы себя и других, строить ситуации таким образом, чтобы для другого лица не оставалось других вариантов действий кроме того, который желателен для рефлексизирующего субъекта.

Реализация развернутой формы рефлексии означала возможность воздействия не только на указанные выше обобщенные переменные, но и на другие составляющие процесса принятия решений: критерии оптимизации и выявленные альтернативы, источники информации о ситуации и противнике, оценку риска, и даже на аналитические способности субъекта, возможности его обучения, среду его общения и др.

Деятельность как организованная система психических процессов может регулироваться как в форме развернутых рефлексивных процессов, так и в свернутой форме в условиях опознания ситуации как знакомой или стандартной. Процедуры обращения и анализ содержания собственной активности и ее источников осуществляются в свернутой форме, сознательному контролю подлежит лишь результат — целостное представление о будущем действии. В. Лефевр и его американские коллеги обратили внимание на форму рефлексии, при которой сознательно не контролируется генерация образов себя и других, не дифференцируются их признаки, которая в отличие от развернутого процесса построения образов и анализа их возможных соотношений была названа быстрой рефлексией [12].

Быстрая рефлексия при осознании действия в его целостности обеспечивает поведение по схеме, по известным субъекту правилам или по привычке [13]. Если правила усваиваются субъектами в основном сознательно по типу развернутой рефлексии и следование правилам преднамеренно, то привычки проявляются в поведении как реализация поведения по свернутой схеме и сознательной регуляции по типу быстрой рефлексии. И правила и привычки ведут к одному и тому же результату: в определенных обстоятельствах выполняется определенное действие — устраняется неопределенность связей ситуации и действий в ней.

Природа поведения по схеме кроется в фиксировании и закреплении результата действия, неоднократно приводившего к успеху. Схема поведения запускается мало меняющимися (инвариантными) признаками ситуации, закрепленными в опыте субъекта. Сознательное введение такого признака может легко спровоцировать действие по схеме (правилу, привычке), а варьирование признаков — управление действиями субъекта.

Таким образом, рефлексия обеспечивает не только формирование деятельности и реализацию поведения, но и возможность учитывать действия других людей (в совместной деятельности или конфликте) и воздействовать на них посредством изменения ситуации и в расчете на механизмы обеих форм рефлексии [14]. Весьма перспективным может оказаться исследование взаимодействия двух форм рефлексии — развернутой и быстрой, выявление ситуаций и условий перехода от одной к другой.

Следует отметить, что быстрая рефлексия как регуляция деятельности не предполагает рассмотрения и анализа возможных вариантов содержания структурных компонентов деятельности и возможных вариантов результата. В сознании они предстают как согласующиеся на основе опыта и предполагают определенный результат, оценка значимости которого делается также на основе индивидуального опыта. Для субъекта ситуация предстает как определенная и не требует ПР. Если содержание хотя бы одного компонента деятельности на стадии ее формирования для субъекта предстает как неоднозначное — неопределенное, то необходим анализ возможных вариантов организации психических процессов, их соотнесение и оценка соответствующих результатов действий по разным критериям. Деятельность в этом случае приобретает характер развернутого процесса с этапами формирования и реализации, принятия решения и исполнения принятого решения, регуляция которой в целом осуществляется по развернутому типу рефлексии.

Заключение

Таким образом, феномен ПР в контексте психологических исследований может быть описан следующим образом:

1. ПР проявляется только в условиях неопределенности, основные источники которой лежат в самой человеческой деятельности.
2. ПР не может быть сведено к какому бы ни было психическому процессу, но может быть представлено как процесс формирования (генезис) деятельности — устранения неопределенности содержания ее структурных компонентов.
3. Организация этих процессов имеет иерархическую вариативную функциональную структуру, подчиняется принципу минимально достаточной дифференциации.
4. ПР связано с такими группами переменных как характер ситуации и ее восприятие субъектом, особенностями мотивационной сферы, характеристиками индивидуального опыта, индивидуально-личностными свойствами; Оно опосредует взаимодействия всех структурных составляющих деятельности.
5. ПР есть произвольный акт, обеспечивающий свободу выбора субъекта: осуществления действия или отказа от него, выбора стратегии пассивного реагирования на ситуацию или активного воздействия на нее.
6. ПР как рефлексивная регуляция является проявлением воли и сознания, специфически человеческой формой сознательной регуляции деятельности.

Представления о ПР, разрабатываемые в формальных теориях и информационно-процессных концепциях ПР, в психологии управления, должны быть дополнены с представлением о ПР как результате рефлексивной регуляции деятельности, приводящей к устранению неопределенности. Рефлексивная регуляция придает человеческому поведению целесообразность, осмысленность, субъективную пристрастность и позволяет в целом строить неадаптивное поведение. Только синтез этих теоретических представлений позволит решать практически важные задачи подготовки лиц, принимающих решения, в любых видах деятельности, учитывать их личностные свойства и создавать тем самым наилучшие условия для повышения эффективности процессов принятия решений.

Литература

1. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М., 1979.
2. Цыгичко В. Н. Руководителю — о принятии решения. М.: Инфра-М, 1996.
3. Ларичев О. И., Мошкович Е. М. Качественные методы принятия решений. Вербальный анализ решений. М.: Наука-Физматлит, 1996.
4. Карпов А. В. Психология принятия решений в профессиональной деятельности. Ярославль: ЯрГУ, 1991.
5. Завалишина Д. Н. Оперативное мышление и принятие решения // Проблемы принятия решения. М.: Наука, 1976.

6. Волков А. М., Микадзе Ю. В., Солнцева Г. Н. Деятельность: структура и регуляция. М.: МГУ, 1987.
7. Карпов А. В. Психология принятия управленческих решений. М., 1998.
8. Карпов А. В. Методологические основы психологии принятия решения. Ярославль, 1999.
9. Канеман Д., Словик П., Тверски А. Принятие решений в неопределенности. Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр, 2005.
10. Лефевр В. А. Элементы логики рефлексивных игр // Проблемы инженерной психологии. Вып. 4. Л., 1966.; Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
11. Петровский В. А. Психология неадаптивной активности. М.: Горбунк, 1992.
12. Лефевр В. А., Адамс-Веббер Дж. Функции быстрой рефлексии в биполярном выборе // Рефлексивные процессы и управление. Т. 1. № 1. 2001.
13. Солнцева Г. Н., Смолян Г. Л. Быстрая рефлексия и поведение по схеме в рефлексивном управлении. Тезисы III Международного симпозиума. «Рефлексивные процессы и управление». 8–10 октября 2001 г. М.: ИП РАН, 2001.
14. Солнцева Г. Н. Рефлексия и сознание как специфические механизмы человеческой активности // Сб. ст. «Рефлексивное управление». Международный симпозиум 17–19 октября 2000 г. М.: ИП РАН, 2000.